

18+

Брачный
Контракт

Роман Солтыс

АНАСТАСИЯ ДЕС

Я переспала
с БОГОМ
и теперь плачу
алименты

Анастасия Дес

Я переспала с богом

и теперь плачу алименты

<https://litres.ru/74150179>

ISBN 9785007005357

Аннотация

Полина не верила в магию, богов и судьбу. Верила только в усталость, долги, работу, которая выжимает досуха, и в кота, которого нужно кормить вовремя. Но одна случайная ночь, старая карта Таро и нелепый ритуал меняют всё: Полина оказывается в чужом мире — среди руин древнего пантеона, под фиолетовым небом, лицом к лицу с тем, кого здесь боятся даже боги.

Содержание

Глава 1. Бог, которого я не звала	12
Глава 2. Первый алтарь	24
Глава 3. Покои жрицы	33
Глава 4. Первый урок хаоса	39
Глава 5. Правила для двоих	48
Глава 6. Слезы бездны	55
Глава 7. Ночь, после которой всё изменилось	64
Глава 8. Утро, похожее на обещание	73
Глава 9. Выходной у края неба	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Я переспала с богом и теперь плачу алименты

Анастасия Дес

© Анастасия Дес, 2026

ISBN 978-5-0070-0535-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Сон, который не должен был сниться

Во сне меня целовали так, будто я была не случайностью, а выбором.

Я лежала на чёрном шёлке, тёплом, почти живом, и смотрела в потолок, которого не существовало. Надо мной медленно текло фиолетовое небо, будто кто-то разлил сумерки прямо по воздуху и забыл собрать. Чужая ладонь замерла у моей талии с такой уверенностью, словно давно знала каждый изгиб. Не жадно. Не грубо. Так, будто спрашивала — и уже заранее слышала согласие.

— Полина, — сказал мужской голос, низкий, хрипловатый, от которого у меня по спине пошла горячая дрожь.

Я не видела его лица полностью. Только подбородок, тень скулы, тёмные волосы, упавшие мне на плечо. Только рот —

слишком красивый для сна, слишком настоящий для фантазии. Только запах — озон, горький миндаль и что-то ещё, от чего хотелось и прижаться ближе, и немедленно сбежать.

Он наклонился, коснулся губами моей шеи, и по спине прокатилась горячая дрожь. Не потому, что он делал что-то особенное. А потому, что во сне меня впервые за долгое время касались так, будто я достойна внимания.

Чужая рука поднялась выше. Пальцы задержались у воротника рубашки, медленно, почти насмешливо, как будто у меня ещё оставался шанс сказать «нет».

— Скажи, что хочешь этого, — тихо произнёс он.

Я хотела спросить, кто он. Хотела оттолкнуть. Хотела, как любая нормальная женщина, сначала узнать хотя бы имя мужчины, который так уверенно укладывает меня в свою тьму. Но вместо этого лишь сильнее впилась пальцами в шёлк и выдохнула:

— Хочу.

Он улыбнулся — я не увидела улыбку, а скорее почувствовала её кожей. Потом поцеловал. Медленно, неторопливо, как будто времени было столько, что им можно было накрыть нас обоих с головой.

Я ответила сразу. Жадно. Слишком жадно для женщины, которой так давно не было по-настоящему тепло рядом с кем-то. Его ладонь легла мне на бедро, и мир будто качнулся нам навстречу. Я подалась ближе, и он, кажется, тихо выругался — не зло, а так, как ругаются люди, когда получают

слишком желаемое.

— Какая ты... — начал он и не договорил.

— Какая? — шепнула я.

Он поднял голову.

И я увидела глаза.

Один — золотой. Второй — чёрный, без зрачка, как будто в человеческое лицо кто-то вделал кусок живой ночи.

Меня будто окатило холодной водой.

— Кто ты?... — выдохнула я.

Он провёл большим пальцем по моей нижней губе.

— Тот, кого тебе лучше было бы никогда не звать.

И в эту секунду мир распался.

Я проснулась с сухим ртом, глухо колотящимся сердцем и котом, который наступил мне лапой ровно туда, где у людей должна быть совесть.

— Кузя, чтоб тебя, — простонала я, открывая глаза.

Потолок был не фиолетовый. Обычный. В трещинах. За окном кто-то орал матом на парковке. Холодильник дребезжал так, будто собирался умереть и забрать меня с собой. Никакого шёлка. Никакого загадочного мужчины. Только продавленный диван, пакет из «Пятёрочки» на стуле и мой кот, который смотрел с выражением: «Проснулась? Отлично. Теперь корми».

Я села, прижала ладонь к лицу и тихо выругалась.

Мне двадцать три. У меня диплом по рекламе, работа в аутсорсинговом колл-центре, кредит за телефон и личная

жизнь такой степени уныния, что мозг, видимо, решил поддержать меня эротическими спецэффектами. Причём не с соседом сверху, не с бывшим однокурсником и даже не с каким-нибудь актёром. Нет. С каким-то пугающе красивым демоном из сериала «Привет, у тебя проблемы с психикой».

Хуже всего было то, что мне этот сон понравился.

Очень.

Я добрела до кухни, налила воду из чайника в кружку с отколотой ручкой и поняла, что меня опять ждёт обычный день. Работа, крики клиентов, сообщения от хозяйки квартиры, напоминание от банка, что у меня есть обязательства, и молчание от мира, который давно перестал обещать чудо.

Именно в тот вечер я особенно остро почувствовала, что моя жизнь не идёт — она тянется.

В моей жизни ничего не происходило.

Я поняла это, когда уже сидела на полу своей однушки в съёмной хрущёвке, разложив перед собой колоду Таро. Не потому, что верила в магию. А потому, что в этой гребаной реальности больше не на что было надеяться.

Двадцать три года. Высшее образование по специальности «реклама и связи с общественностью». Работа, где я восемь часов в день принимаю на себя чужую ярость за чужие ошибки. Зарплата — смехотворная. Квартира — наполовину моя, наполовину коммунальный кошмар. Бывшая одноклассница, с которой я снимала жильё, уехала к парню и оставила мне посуду, коммуналку и стойкое ощущение, что даже лю-

ди умеют исчезать эффективнее, чем деньги.

Зато кот остался.

Старый, лысеющий, вредный. Лучший мужчина в моей жизни на тот момент.

— Ладно, — сказала я пустой комнате. — Если карты не врут, покажите мне хоть что-нибудь. Только не очередной сон про подозрительно горячего незнакомца. И без того неловко.

Я была слегка пьяна. Не в стельку. Ровно настолько, чтобы перестать чувствовать себя идиоткой.

Колода досталась мне от бабушки. Той самой, которая лечила травами, спорила с телевизором и утверждала, что пластиковые карты придумали бесы для удобства бухгалтерии. Перед моим отъездом в университет она сунула колоду мне в сумку и сказала: «Пригодится, когда перестанешь верить людям».

Тогда я посмеялась.

Теперь мне было не смешно.

В интернете я нашла простейший расклад — карта дня — и вытянула одну.

Башня.

— Спасибо, — пробормотала я. — Поддержали.

Вторая карта — Шут.

— Ну это уже хамство.

Я отпила вина прямо из бокала, потом перетасовала колоду и выложила карты на прошлое, настоящее и будущее.

Луна. Повешенный. Колесо Фортуны.

На фоне моей жизни это выглядело как диагноз, приговор и издевательская открытка от судьбы.

Я бы, наверное, на этом и остановилась, если бы не кон-верт на дне шкатулки.

Он лежал там с тех пор, как умерла бабушка. Плотный, пожелтевший, с надписью её рукой: «Откроешь, когда будет совсем плохо. Но только если готова платить».

— Бабуль, — сказала я, разрывая бумагу, — у меня в на-личии долги, нервный тик и кот. Платить особенно нечем.

Внутри была ещё одна карта.

Совсем не такая, как остальные. Чёрная. С серебряным рисунком, который будто дышал. Посреди — перевёрнутая восьмёрка, разорванная в центре. А под ней руны, которые я не знала и всё же почему-то поняла сразу.

«Хаос. Сущий. Тот, кто был до начала. Тот, кто вернётся после конца».

У меня по затылку пробежал холодок. Очень некстати вспомнился сон.

Те самые руки. Тот же запах грозы.

— Ну нет, — сказала я вслух. — Я не настолько несчаст-ная, чтобы романтизировать собственный бред.

На обороте был бабушкин почерк:

«Чтобы призвать Сущего, коснись карты в полночь и про-изнеси: „Я открываю врата между мирами. Приди, тот, кто носит хаос в венах. Я стану твоей жрицей, а ты — моей судь-

бой“. Но помни: Сущий не терпит лжи. Он потребует плату. И эта плата — ты сама».

— Великолечно, — пробормотала я. — Бабушка оставила мне не наследство, а демонический сервис по вызову проблем на дом.

Часы показывали без пятнадцати полночь. За стеной сосед что-то сверлил, будто очень срочно хотел докопаться до центра Земли. Холодильник издавал предсмертные хрипы. Кузя сидел у миски и смотрел так, словно это я во всём виновата.

И вот тогда меня окончательно накрыло чувством, что терять мне особенно нечего.

— Ладно, — сказала я. — Что самое страшное может случиться?

Спойлер: почти всё.

Я коснулась карты и произнесла слова.

Сначала ничего не произошло. Я даже успела усмехнуться. Подумала, что утром будет стыдно, но хотя бы появится новый повод считать себя дурой. А потом карта вспыхнула серебром.

Пол исчез из-под ног.

Я не упала — меня вывернуло из реальности, как нитку из плохо зашитого шва. На одно короткое, чудовищное мгновение я увидела себя со стороны: хвост на макушке, растянутые джинсы, дешёвая футболка, приоткрытый рот. Очень героично. Очень достойно для женщины, которая, кажется,

только что случайно вызвала неведомую дрянь.

Потом была темнота.

Не обычная. Живая. Настолько полная, что в ней не оставалось даже мысли о времени.

И в этой темноте я слышала голос.

— Ты посмела призвать меня, смертная?

Тот самый голос.

Из сна.

Голова у меня болела так, будто внутри кто-то пытался свернуть все извилины в одну трагическую спираль. Поэтому ответила я честно:

— А ты не ори. У меня и так день был дрянь.

Глава 1. Бог, которого я не звала

В себя я пришла на холодном камне с ощущением, что похмелье наконец-то решило меня добить.

Затылок пульсировал. Во рту пересохло. В висках стучало так, словно кто-то изнутри методично пытался выбить мне выход обратно в нормальную жизнь.

Первая мысль была простая: я отключилась дома и приложила головой о плитку.

Вторая — куда менее приятная: у меня дома никогда не пахло древней пылью, сырой позолотой и грозой.

Я открыла глаза.

Надо мной уходил в темноту высокий свод. Вокруг поднимались колонны — треснувшие, осыпавшиеся, с остатками золота в прожилках. Руины были не киношные и не красивые. Настоящие. Сваленные статуи, каменные плиты, разбитые фрески, крошка под ладонями. Всё это выглядело так, будто кто-то однажды взял храм, сломал его о собственную ярость и больше не вернулся проверить последствия.

Небо над проломом в потолке было фиолетовым.

Не закатным. Не ночным. Просто фиолетовым, с тёмными прожилками, как старый синяк.

— Это сон, — сказала я вслух.

Голос дрогнул. Не от трепета перед чудом. От холода.

Я села, огляделась — и увидела его.

Сначала трон.

Чёрный, словно вырубленный из остывшей молнии. На спинке — крылья, каменные, тяжёлые, чужие. Потом силуэт мужчины, лениво откинувшегося назад, как будто всё вокруг действительно принадлежало ему по праву древней собственности.

И только потом — лицо.

Красивое той пугающей красотой, рядом с которой хочется немедленно проверить, где выход. Высокие скулы. Рот, созданный либо для приказов, либо для неприятностей. Длинные чёрные волосы. Шрамы. Тёмные татуировки на руке, напоминающие разорванные восьмёрки. И глаза.

Один — золотой.

Второй — чёрный.

Внутри у меня всё оборвалось.

Потому что я уже видела эти глаза.

Во сне.

Не целиком. Урывком. Достаточно, чтобы сейчас мне захотелось немедленно упасть обратно в обморок и сделать вид, что я вообще не просыпалась.

От него пахло ровно так же, как тогда: озоном, горьким миндалём и катастрофой, которую почему-то очень хочется потрогать руками.

— Ты, — сказал он.

И вот голос я узнала сразу. До мурашек. До стыда. До того унижительного факта, что моё тело вспомнило сон на долю

секунды раньше, чем голова — опасность.

— Ты посмела призвать меня, смертная?

Я сглотнула, потом очень по-человечески поняла, что мне хочется в туалет, домой и никогда больше не пить красное полусладкое по акции.

— Я? — переспросила я. — Это ты меня сюда... выдержнул? Перенёс? Украл? Как это у вас вообще называется?

Он чуть прищурился. Золотой глаз потемнел.

— Ты произнесла призыв. Я явился. Таков закон.

Злость пришла почти мгновенно. Старая добрая злость — единственное чувство, которое всегда включалось у меня раньше страха.

— Слушай, — сказала я, поднимаясь на ноги. — Я выпила вина, погадала на картах, поговорила с покойной бабушкой через конверт и, кажется, провалилась в нервный срыв. А теперь какой-то невероятно подозрительный мужик в рваной мантии рассказывает мне про закон. Ты вообще кто?

В тишине что-то зашевелилось под обломками. Где-то далеко капала вода.

Он поднялся.

Высокий. Слишком высокий. Когда он встал в полный рост, фиолетовый свет будто отступил, а у меня по спине пошёл холодный пот. Это было уже не «красивый мужчина». Это было существо, которое слишком давно привыкло, что мир уступает ему дорогу.

— Я — Хаос, — сказал он спокойно. — Сущий. Перво-

родный. Тот, кто был до богов и останется после них. Меня зовут Азраил. Или Азарх. Или Владыка Разрушения. И все эти имена означают одно: я — конец всего.

— А я Полина Туманова, — сказала я. — У меня диплом, кот, кредит за телефон и нулевая готовность к мистическому беспределу. И я понятия не имею, как здесь очутилась.

Он подошёл ближе.

Чересчур близко.

Я отступила и тут же задела спиной край колонны. Больно. Отлично. Значит, не сон.

Азраил наклонился так, что я увидела собственное отражение в его чёрном глазу.

— Теперь ты моя, — сказал он.

Я отшатнулась. Ударилась спиной о колонну и взвыла от боли — камень был острым, словно его нарочно заточили.

— Моя? — заорала я. — Ты охренел, мужик? Я тебя первый раз в жизни вижу! Я не подписывала никаких контрактов! У меня нет ни печати, ни нотариуса, ни даже свидетелей! Какая, к чёрту, «моя»?

Он замер. Кажется, такого ответа он не ожидал.

Обычно смертные падали ниц. Или впадали в экстаз. Или начинали молиться. А эта — в драных джинсах и с красными от недосыпа глазами — кричит на него, как на базаре.

— Ты не понимаешь, — сказал он медленно, словно объяснял ребёнку. — Ты призвала Сущего. По древнему договору, призванный становится жрицей. Жрица обязана вос-

становить храмы, принести жертвы и...

— И родить полубога, — закончила я за него. — Да, я прочитала мелкий шрифт. Но знаешь что? В моём мире такие договоры считаются недействительными, если одна из сторон была нетрезва. А я была пьяна. В стельку. Фактически — невменяема.

Он моргнул.

Оба глаза — золотой и чёрный — моргнули синхронно. И на миг мне показалось, что в чёрном появилась крошечная искра недоумения.

— Что значит «нетрезва»?

— Пьяная, — сказала я. — Бухая. В зюю. Накачалась дешёвым алкоголем, потому что жизнь — говно. И если ты сейчас не отправишь меня обратно, я устрою здесь такой скандал, что твои разрушенные храмы покажутся тебе раем.

Азраил (или Азарх, или Владыка Разрушения) отступил на шаг.

Он смотрел на меня так, будто я была не человеком, а внешнезаговорившей табуреткой. В его глазах — обоих — читалось что-то новое. Не гнев. Не презрение. Кажется, удивление.

— Ты странная, — сказал он наконец.

— Я нормальная, — отрезала я. — Это у тебя потолок фиолетовый и трон в облезлой краске.

Он снова замолчал. А потом сделал то, от чего у меня отвисла челюсть.

Он улыбнулся.

Не зло. Не насмешливо. А так, будто увидел нечто забавное в первый раз за тысячелетия. Криво, с прищуром, но — искренне.

— Мне нравится твоя дерзость, смертная, — сказал он. — Давно никто не разговаривал со мной так.

— Это не дерзость, — устало ответила я. — Это усталость. Я так устала, что мне плевать, бог ты или сантехник. Отправь меня домой. У меня кот голодный.

— Кот?

— Кот. Животное. Маленькое, пушистое, с усами. Любит есть. Не ест — страдает. Я не хочу, чтобы мой кот страдал.

Азраил медленно обошёл меня. Я вертела головой, следя за ним, потому что не хотела, чтобы он зашёл со спины — вдруг ударит?

— Я не могу отправить тебя обратно, — сказал он, оставаясь у меня за правым плечом. — Врата открываются раз в тысячу лет. Или когда сам Хаос пожелает. Я не желаю.

— То есть ты меня похитил? — возмутилась я. — Это похищение людей! Это статья! Уголовный кодекс, знаешь такой? Тюрьма, понятие?

— Здесь нет тюрем, — ответил он равнодушно. — Есть только бездна. И я.

Я закрыла глаза. Сосчитала до десяти. Потом до двадцати. Потом открыла и посмотрела на него уже без паники, а с холодным расчётом.

— Хорошо, — сказала я. — Допустим, я твоя пленница. Или жрица. Какая разница. Что ты от меня хочешь?

Он вернулся на трон. Сел, положив руки на подлокотники. Татуировки на его руках пульсировали ярче.

— Я хочу, — произнёс он медленно, — чтобы ты восстановила мои храмы. Вернула мне силу. И родила наследника, который сможет удержать хаос в равновесии, когда меня не станет.

— А когда тебя не станет? — уточнила я прагматично.

— Через десять тысяч лет. Примерно.

Я присвистнула.

— Слушай, — сказала я. — Давай по порядку. Я одна, без инструментов, без строительной бригады, без единой отвёртки, должна восстановить храмы в полуразрушенном мире, где, как я понимаю, нет даже Интернета?

— Нет, — подтвердил он.

— И за это ты хочешь, чтобы я ещё и ребёнка тебе родила?

— Да.

— И кто будет менять пелёнки?

Он замер. Снова. Кажется, слово «пелёнки» в его божественном лексиконе отсутствовало.

— Что такое пелёнки?

— Ткань, в которую заворачивают младенцев, чтобы они не обоссали всю кровать. Их нужно стирать, сушить, гладить и менять каждые два часа. Ночью — каждые четыре.

Молчание.

Очень долгое, очень тяжёлое молчание, в котором я услышала, как где-то в руинах упал камень.

— Я... не думал о пелёнках, — признался Азраил.

— Вот именно, — сказала я, складывая руки на груди. — Ты думал только о храмах и наследниках. А о быте — ноль. И знаешь что? Я не собираюсь вкалывать на дядю, даже если этот дядя — бог хаоса. У меня есть требования.

Он выпрямился на троне.

— Требования? Смертная смеет требовать от Сущего?

— Смертная, у которой нет ничего, кроме голодного ко-
та, дырявой куртки и кредита за телефон, смеет. Потому что хуже, чем сейчас, уже не будет. Так что давай, Владыка Разрушения, садись и слушай. Я буду диктовать.

Я сделала шаг вперёд.

Он не отступил. Но в его золотом глазу что-то мелькнуло. То ли гнев. То ли интерес.

— Пункт первый, — сказала я. — Брачный контракт. Письменный, с подписями, свидетелями и печатью. В нём должно быть прописано моё право на личное пространство, право на отказ от интимной близости без моего согласия, право на декретный отпуск продолжительностью не менее трёх лет и право на возвращение в мой мир, если я передумаю.

— Три года декрета? — переспросил он.

— Минимально. За это время ребёнок подрастает, начинает ходить на горшок и перестаёт требовать круглосуточно-

го внимания. Но пелёнки ты всё равно меняешь. Половину. Делим поровну.

Азраил молчал. Его татуировки пульсировали быстрее, но лицо оставалось непроницаемым.

— Пункт второй, — продолжила я. — Я не бесплатная рабочая сила. За восстановление храмов я получаю зарплату. В валюте, которая будет иметь ценность в моём мире, когда я вернусь. Золото, платина, магические артефакты — что у вас тут в ходу.

— В ходу — души, — сухо ответил он.

— Души не принимаю. Давай золото.

Он вздохнул. Я не знала, что боги умеют вздыхать, но этот вздох был очень человеческим — усталым, раздражённым, но беззлобным.

— Пункт третий, — сказала я, набирая воздуха. — Ты лично обучаешь меня магии, если она здесь существует. Без магии я не восстановлю ни один храм. Я менеджер по рекламе, а не прораб.

— Что такое менеджер по рекламе?

— Это человек, который продаёт то, что никому не нужно, тем, кто не хочет покупать. Поверь, если я умудрялась продавать клининг людям, которые и слышать об этом не хотели, то и твоих богов уговорю вернуться в храмы.

Азраил медленно провёл рукой по лицу. Жест был такой усталый, такой... обычный. Будто он был не богом, а менеджером среднего звена, которому очередной сотрудник при-

нёс идиотский отчёт.

— Ты невыносима, — сказал он.

— Спасибо, — ответила я. — Я стараюсь.

Он встал. Подошёл ко мне вплотную. Теперь между нами было меньше метра, и я снова почувствовала запах озона и горелого миндаля. Его глаза — золотой и чёрный — смотрели на меня без угрозы. С чем-то вроде оценки.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я согласен на контракт. Но при одном условии.

— Каком? — спросила я настороженно.

— Ты докажешь, что достойна быть моей жрицей. Не словами. Делом. — Он указал рукой на руины вокруг. — Восстанови один алтарь. Самый малый. Без магии, только своими руками. Если справишься — я подпишу любой твой контракт. Если нет...

Он не договорил. Но в его улыбке — той самой, кривой и пугающей — я прочитала приговор.

— Идёт, — сказала я, хотя внутри всё сжалось. — Но инструменты ты даёшь. И материалы. И горячую воду, потому что я замёрзла как собака.

Он кивнул.

— И ещё, — добавила я, уже уходя в сторону, где, кажется, виднелся проход. — Как там кота покормить? Он один дома.

Азраил посмотрел на меня так, будто я спросила, как погасить солнце.

— Кот... — начал он.

— Кот. Животное. Пушистое. Я уже говорила. Ты бог, в конце концов. Не можешь что ли открыть портал в мою кухню и насыпать корма?

Он прикрыл глаза. Когда открыл, в них было что-то новое. Что-то, что я не могла прочитать. Усталость? Обречённость? Или — нет, не может быть — восхищение?

— Ты первая, — сказал он тихо, — кто потребовал от меня покормить кота.

— Я не первая, — ответила я. — Я единственная. Потому что нормальные люди в такой ситуации молятся или падают в обморок. А я — реалистка. И я хочу, чтобы мой кот был сыт.

Он отвернулся. Взмахнул рукой — и в воздухе повисла серебряная нить, которая свернулась в кольцо, замерцала и исчезла.

— Корм насыпан, — сказал он сухо. — Воды налито. Игрушка брошена.

— Ты бросил игрушку? — уточнила я. — Какую?

— Мышку. Резиновую.

Я замерла. Он что, действительно заглянул в мою квартиру? Увидел кота? Мышь?

— Спасибо, — сказала я тихо.

Он не ответил. Только указал на проход в руинах:

— Иди. Там найдёшь инструменты. Алтарь — в восточном крыле. Я буду наблюдать.

— Как мило, — буркнула я и пошла.

Ноги дрожали. Но я не обернулась. Потому что если бы я обернулась и увидела его — бога хаоса, стоящего посреди руин с таким лицом, будто он только что встретил единственное существо во всех мирах, которое его не боится, — я бы, кажется, сошла с ума.

Глава 2. Первый алтарь

Восточное крыло пантеона оказалось ещё более разрушенным, чем тронный зал.

Я шла по коридору, который когда-то был, наверное, главной аллеей храма. Сейчас это была просто груда обломков, кое-как расчищенная. Своды обвалились, колонны лежали на боку, и между ними пробивались странные растения — не зелёные, а синие, с листьями, похожими на стёкла.

Воздух здесь был другим. Не холодным, а каким-то... тягучим. Как желе. И в этом желе плавали искры — мелкие, золотистые, они вспыхивали и гасли, будто кто-то выдыхал их.

Я пыталась не думать о том, что произошло. О том, что меня выдернули из моей убогой, но привычной жизни, и бросили в мир, где небо фиолетовое, а бог хаоса требует, чтобы я родила ему наследника. Если бы кто-нибудь сказал мне об этом вчера, я бы предложила ему провериться у психиатра.

Но вот я здесь. Иду по руинам, в джинсах, облепленных каменной крошкой, и пытаюсь найти алтарь.

Инструменты, которые обещал Азраил, лежали у входа в восточное крыло. Я чуть не наступила на них, споткнувшись о кирку.

Кирку.

Средневековую, с деревянной ручкой и ржавым наконец-

ником. Рядом — лопата, два ведра, моток верёвки и что-то, похожее на зубило.

— Серьёзно? — спросила я в пустоту. — Ты бог, а мог дать хотя бы перфоратор?

Никто не ответил. Но где-то высоко, над обломками, я почувствовала чей-то взгляд. Он был тяжёлым, как одеяло в тридцать градусов жары. Азраил наблюдал.

— Ладно, — сказала я себе. — Ты справлялась и не с таким. Вспомни, как ты в прошлом году передвигала мебель в общежитии одна. И как ремонтировала кран, когда сантехник не пришёл. Ты сильная. Ты справишься.

Алтарь нашёлся не сразу. Это была низкая каменная платформа в дальнем конце зала, заваленная обломками колонн. Когда-то на ней, наверное, стояла статуя или горел огонь. Сейчас — только трещины, плесень и противный запах сырости.

Я подошла ближе. Провела рукой по поверхности — камень был шершавым, холодным, и на нём всё ещё можно было разглядеть какие-то символы. Те самые перевёрнутые восьмёрки, как на татуировках Азраила. Они слабо светились, когда я касалась их, но быстро гасли.

— Храм Хаоса, — пробормотала я. — Звучит как название дешёвого хоррора.

Я взяла кирку. Взвесила в руке. Инструмент был тяжёлым, неудобным, и ручка натирала ладонь.

— Надо было на фитнес ходить, — сказала я себе с горе-

чью. — А не лежать на диване с чипсами.

Первый удар пришёлся по большому обломку, который лежал прямо на алтаре. Кирка звякнула, обломок даже не шелохнулся. Зато отдачей мне чуть не выбило плечо.

— Больно, — констатировала я. — Очень больно.

Второй удар. Третий. На четвёртом я сбила кожу на ладони — просто потому, что кирка скользнула. Показалась кровь — яркая, красная, на фоне серого камня она выглядела чужеродной, словно я испортила картину.

— Отлично, — сказала я. — Теперь ещё и рана. Бинтов нет. Антисептика нет. И бога, который мог бы залечить, — тоже нет. Потому что он, видите ли, наблюдает.

Я подняла голову к потолку. Там, где обрушилась крыша, виднелось фиолетовое небо. И в этом небе, на самом краю, я заметила силуэт. Большой, чёрный, с расправленными крыльями.

Азраил смотрел на меня. Не прятался. Просто сидел на балке, как ворон на заборе, и наблюдал.

— Помог бы, — крикнула я ему. — Ты же бог!

— Я бог хаоса, — донёсся его голос. — Хаос означает, что я не помогаю. Я наблюдаю. И иногда разрушаю.

— Полезный навык в семейной жизни, — буркнула я и снова взялась за кирку.

Я работала долго. Не знаю, сколько именно — времени здесь не было. Фиолетовое небо не меняло оттенка, солнце не садилось, и только усталость подсказывала, что прошло

уже несколько часов.

Я расчистила алтарь от крупных обломков. Потом принялась за мелкие — их нужно было убрать руками, потому что лопата не влезала в щели. Камни были острыми, резали пальцы, и к концу этого этапа мои руки превратились в сплошную рану.

— Я похожа на пациента отделения травматологии, — сказала я вслух, разглядывая ладони. — Если вернусь домой, возьму кредит на лечение.

Алтарь был чист. Но не восстановлен. Потому что «восстановить» — это не просто убрать мусор. Это значит — вернуть ему былую форму. А для этого нужны были раствор, инструменты и хотя бы минимальные навыки каменщика.

У меня не было ничего.

Я села на пол, прислонившись к стене, и заплакала. Тихо, без всхлипов — просто слёзы текли по щекам, смешиваясь с пылью. Мне было жалко себя. И кота. И свою дырявую куртку, которая осталась в той квартире, которую я, наверное, уже никогда не увижу.

— Ты плачешь, — раздался голос над ухом.

Я подскочила. Азраил стоял рядом — бесшумный, как тень. Его крылья были сложены за спиной, но я видела, как они подрагивают, словно он готов взлететь в любой момент.

— А ты не подглядывай, — вытерла я слёзы грязной рукой, размазывая грязь по лицу. — Не видел, как девушки плачут?

— Видел, — ответил он спокойно. — Но те, кто плакал, обычно просили пощады. Или молили о смерти. А ты плачешь, потому что... у тебя нет раствора?

— Потому что у меня нет ничего, — сказала я. — Нет инструментов, нет материалов, нет рук, потому что я их поранила, и нет сил, потому что я не спала, не ела и вообще я не каменщик, а менеджер по рекламе, чёрт возьми!

Он наклонил голову. Его чёрный глаз — без зрачка — отражал моё лицо, искажённое злостью и усталостью.

— Но ты расчистила алтарь, — заметил он. — Это больше, чем делали другие.

— Другие? — переспросила я. — До меня были другие?

— Трое, — сказал Азраил. — Они призывали меня раньше. Двое умерли от страха, когда увидели меня. Третья попыталась сбежать и упала в бездну.

Я сглотнула.

— А я?

— Ты ругаешься. И требуешь пелёнки. — В его голосе промелькнуло что-то, похожее на уважение. — Ты другая.

— Спасибо, — буркнула я. — Но это не отменяет того факта, что я не могу восстановить алтарь без раствора.

Азраил помолчал. Потом присел на корточки передо мной. Так близко, что я снова почувствовала запах озона. Он взял мою руку — осторожно, как будто я была хрупкой — и провёл пальцем по ране.

Я вскрикнула от неожиданности. Но боль прошла так же

быстро, как и появилась. Рана затянулась. Кожа стала розовой и гладкой, будто ничего и не было.

— Магия, — сказал он. — Ты просила научить. Начнём с малого. Заживление.

Я уставилась на свою ладонь. Потом на него.

— Ты мог сделать это раньше, — сказала я с укором.

— Ты не просила, — ответил он. — Ты требовала. А требования я выполняю только по контракту.

— Ты издеваешься?

— Я бог хаоса, — повторил он. — Издевательства — это моё второе имя.

Я открыла рот, чтобы ответить, но вдруг заметила, что его рука всё ещё держит мою. Пальцы у него были длинные, тёплые, с чёрными ногтями. И на них тоже пульсировали те самые перевёрнутые восьмёрки.

— Отпусти, — сказала я тихо.

Он отпустил.

— Ты расчистила алтарь, — повторил он, вставая. — Этого достаточно. Я подпишу контракт.

— Погоди, — я вскочила на ноги, чувствуя, как затекли колени. — То есть всё? Я победила?

— Ты доказала, что не сдаёшься. — Он смотрел сверху вниз, но в его взгляде не было высокомерия. — Для меня это важнее, чем раствор и кирпичи. Я могу поднять камень, расчистить руины и залечить трещины. Но вернуть храму право жить не могу без свободного свидетеля из мира смертных.

Мне нужен не работник. Мне нужен тот, кто не сломается, когда рухнет последняя стена.

Я смотрела на него и не верила.

— То есть я прошла твой тест?

— Да.

— И теперь ты подпишешь брачный контракт, где будет прописано моё право на декрет и половину пелёнок?

Он поморщился, как от зубной боли.

— Да.

— И отправишь меня домой, если я передумаю?

— Если передумаешь — да. Но ты не передумаешь.

— Это почему же?

Он шагнул ко мне. Так близко, что я упёрлась спиной в стену. Его лицо — красивое, страшное, с разными глазами — нависло надо мной.

— Потому что ты уже здесь, — сказал он шёпотом. — Ты дышишь воздухом моего мира. Ты коснулась моего алтаря. И теперь ты часть меня. Хочешь ты этого или нет.

У меня перехватило дыхание. Не от страха. От чего-то другого — горячего, колючего, что разлилось по венам, как то дешёвое красное вино, только в сто раз сильнее.

— Это ты так флиртуешь? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Я так заявляю права, — ответил он. — Но если хочешь, можешь считать это флиртом.

Он отступил. Взмахнул рукой — и в воздухе появился

свиток. Длинный, с золотыми печатями, он парил между нами, мерцая.

— Диктуй свой контракт, Полина Сергеевна, — сказал Азраил, и впервые его губы изогнулись в улыбке, которая не была ни насмешливой, ни угрожающей. Она была... почти нежной.

Я выдохнула.

— Пункт первый, — начала я, собираясь с мыслями. — Брачный контракт заключается на следующих условиях...

И мы начали торговаться.

Бог хаоса и менеджер по рекламе. В полуразрушенном пантеоне, под фиолетовым небом. Он диктовал условия, я торговалась. Я требовала золото, он предлагал души. Я настаивала на декрете, он спрашивал, что такое «выходные».

Мы проговорили, наверное, час. Или два. Или вечность — здесь всё равно не было времени.

К концу переговоров у меня болела голова, у него дёргалось крыло, а контракт исписали с обеих сторон.

— Я никогда не встречал такого упрямого существа, — сказал Азраил, ставя свою подпись — иероглиф, похожий на разорванную бесконечность.

— А я никогда не встречала бога, который не знает, что такое пелёнки, — ответила я, расписываясь. Имя было написано кириллицей, и на фоне золотых рун оно выглядело абсурдно. Но Азраил не возражал.

Свиток свернулся и исчез.

— Теперь ты моя жрица, — сказал он. — И моя... как это называется? Жена?

— Не жена. Контрагент по договору. — Я поправила джинсы. — И давай сразу договоримся: спальня у меня отдельная. Личная жизнь — только по взаимному согласию. И никаких «ты должна родить наследника прямо сейчас». Я хочу сначала обустроить быт.

— Что значит «обустроить быт»? — нахмурился он.

— Это значит — нормальная кровать, горячая вода, еда, посуда, туалетная бумага и сменное бельё. — Я загнула палец. — И отопление. Тут холодно, как в склепе.

Азраил посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. — Я зевнула. — Устала, замёрзла, хочу спать. Показывай, где моя комната.

Он молча развернулся и пошёл.

Я пошла за ним, глядя на его широкую спину, на складки рваной мантии, на крылья, которые волочились по каменному полу, оставляя тонкие царапины.

И думала о том, что, кажется, вляпалась по-крупному.

Но почему-то впервые за долгое время мне не было страшно.

Глава 3. Покои жрицы

Комната, которую Азраил выделил мне, оказалась бывшей кладовкой. Я поняла это по полкам, на которых когда-то хранились амфоры и мешки с крупой. Сейчас амфоры были разбиты, крупа рассыпана, а на полу валялись кости — то ли животных, то ли кого-то ещё. Я решила не уточнять.

— Это моя комната? — спросила я, стоя на пороге.

— Это покои жрицы, — невозмутимо ответил Азраил. — Ты просила отдельное пространство. Вот оно.

— Здесь нет кровати.

— Жрицы спали на циновках.

— Я не жрица. Я менеджер по рекламе. Мне нужен матрас. Ортопедический. И подушка.

Он вздохнул. Этот вздох начинал меня пугать — в нём была такая бездна усталости, будто я была не первой его проблемой, а тысячной.

— Что такое ортопедический матрас?

— Это такая штука, на которой не болит спина после сна. Я не хочу просыпаться с защемлением нерва. У меня и так жизнь — боль.

Азраил провёл рукой по лицу. Я заметила, что под ногтями у него чернота — не грязь, а какое-то свечение, будто он держал в руках угли.

— Хорошо, — сказал он. — Я создам тебе кровать. Но

завтра. Сегодня я устал.

— Ты бог! — возмутилась я. — Боги не устают!

— Я бог хаоса, — терпеливо ответил он. — А хаос утомляет. Особенно когда его требует смертная в драных джинсах.

Я хотела огрызнуться, но вдруг заметила, что он действительно выглядит уставшим. Не так, как люди — с мешками под глазами и бледной кожей. А по-другому: его татуировки светились тускло, крылья обвисли, и даже разница в цвете глаз стала менее заметной.

— Ладно, — сдалась я. — Но циновку дай. И одеяло. И чай.

— Чай?

— Настой из трав. Горячий. Иначе я не усну.

Азраил щёлкнул пальцами. В углу комнаты появилась циновка — не пыльная, а новая, пахнувшая чем-то травяным. Рядом — одеяло, толстое, шерстяное, и подушка, набитая, кажется, сушёными лепестками. А на полу — глиняная кружка с парящей жидкостью.

Я поднесла кружку к носу. Пахло мятой и мёдом. И ещё чем-то неуловимым — может быть, магией.

— Спасибо, — сказала я тихо.

Он кивнул и вышел, не оборачиваясь.

Я осталась одна в бывшей кладовке, под фиолетовым светом, который просачивался сквозь трещины в стенах. Сделала глоток чая — он оказался обжигающе горячим и невы-

носимо вкусным. Такой вкус бывает только во сне, когда все рецепторы работают на сто процентов, а реальность отступает.

— Что я здесь делаю? — спросила я у пустоты.

Пустота не ответила. Только где-то далеко завыл ветер, и мне показалось, что в этом вое слышится имя — моё или его, я не разобрала.

Я легла на циновку, укрылась одеялом и закрыла глаза. В голове крутились обрывки мыслей: кот, контракт, пелёнки, золотой глаз, чёрный глаз, храмы, руины, запах озона. И почему-то — его улыбка. Та, которая была почти нежной.

Я уснула, как провалилась.

Мне снился мой мир. Офис с серыми стенами, начальник, который кричал на меня за то, что я опоздала на пять минут. Кот, который царапал обои. Холодильник, который гудел и плакал. Всё серое, плоское, безвкусное. И среди этого — фиолетовая вспышка. И крылья. И голос, который сказал: «Ты часть меня».

Я проснулась от того, что кто-то дышал мне в затылок.

Медленно, очень медленно я повернулась.

Азраил сидел на полу рядом с циновкой. На коленях у него лежал кот. Мой кот. Лысеющий, вредный, с вечно недовольной мордой. И он мурлыкал.

— Как? — только и смогла спросить я.

— Я открыл не полноценный портал, а нитяное окно, — сказал Азраил. — После твоего призыва между мирами оста-

лась тонкая связь. Через неё можно на несколько минут протянуть руку, голос, небольшую вещь — или очень упрямое животное, которое отказалось слезать с подоконника. Человека так не проведёшь. Тебя обратно — тем более. Для этого нужна устойчивая дверь. Но кота я забрал. Ты просила покормить. Я подумал, что ему будет спокойнее рядом с тобой.

— Ты украл моего кота?

— Я спас твоего кота, — поправил он. — В твоей квартире прорвало трубу. Соседи снизу залили всё. Твой кот сидел на подоконнике и орал. Я забрал его до того, как приехали спасатели.

Я села. Медленно, потому что голова кружилась.

— Прорвало трубу? — переспросила я.

— Да. Сейчас твоя квартира — бассейн. Но я заморозил воду. Когда вернёшься, разберёшься.

Я посмотрела на кота. Кот посмотрел на меня. В его глазах было столько укора, будто это я была виновата в прорыве трубы.

— Ты хоть паспорт ему взял? — спросила я.

— Паспорт?

— Документ. С печатью. Чтобы доказать, что это мой кот.

Азраил на миг задумался. Потом протянул мне маленький пергамент, на котором было написано: «Сие животное, именуемое Кот, принадлежит жрице Полине Сергеевне Тумановой. Подпись: Азраил, Владыка Хаоса».

Я прочитала. Перечитала. И засмеялась.

— Ты выдал ему божественную справку?

— Я выдал тебе доказательство права собственности, — сухо ответил он. — В моём мире это называется «печать крови». Ни один суд не оспорит.

Кот прыгнул с его колен, подошёл ко мне, понюхал мою руку и лёг рядом, свернувшись клубком. Он был тёплым и пах домом — дешёвым кормом и старой мебелью.

— Спасибо, — сказала я во второй раз за сутки. Это было странно — благодарить бога хаоса за спасение кота. Но, наверное, такова была моя новая реальность.

Азраил встал. Его крылья расправились, и в тусклом свете они казались не чёрными, а тёмно-синими, как ночное небо перед грозой.

— Завтра начнём, — сказал он. — Я буду учить тебя магии. Ты будешь восстанавливать храмы. А вечером мы обсудим... пелёнки.

— Ты запомнил это слово? — удивилась я.

— Я запомнил всё, что ты сказала, — ответил он. — Я бог хаоса. Моя память — это хаос. В нём есть место для пелёнок. Он вышел. Я осталась с котом.

— Ну что, — сказала я коту. — Похоже, мы вляпались. Кот чихнул. И начал вылизывать лапу.

Я лежала на циновке, смотрела в потолок и думала. О том, что завтра начнётся что-то новое. Что у меня есть контракт, кот, бог, который, кажется, не собирается меня убивать. И что я, кажется, начинаю привыкать к фиолетовому небу.

Это было страшно. Но не настолько, чтобы не попробовать.

Глава 4. Первый урок хаоса

Утром (если можно назвать утром момент, когда фиолетовое небо стало чуть светлее) меня разбудил кот. Он сидел у меня на груди и требовательно мяукал, тыкая мокрым носом в подбородок.

— Да-да, корм, — пробормотала я, не открывая глаз. — Сейчас...

Я села. Вокруг были руины. Кот. И глиняная кружка с остывшим чаем.

Реальность ударила, как пощёчина.

— Это не сон, — сказала я коту. — Мы действительно в мире, где бог хаоса хочет, чтобы я родила ему ребёнка.

Кот мяукнул с таким видом, будто говорил: «Ну и что? Главное, чтобы кормили вовремя».

Я встала. Циновка была неудобной, но спать на ней оказалось лучше, чем на полу в общежитии. Видимо, магия всё-таки работала.

Я вышла из бывшей кладовки в коридор. Фиолетовый свет лился сверху, и я увидела, что в светлом цикле пантеон выглядит иначе. Тени стали мягче, а в воздухе пахло не только сыростью, но и чем-то сладким — может быть, цветами, которые росли в трещинах.

Азраил ждал меня в тронном зале. Он стоял у разбитой статуи, которая изображала, кажется, его самого. У статуи

не хватало головы и обеих рук, но даже так было понятно, что когда-то она была величественной.

— Ты опоздала, — сказал он, не оборачиваясь.

— У меня не было часов, — ответила я. — И будильника. И вообще, я не знаю, сколько времени. Тут солнце не встаёт.

— Здесь нет солнца, — согласился он. — Есть только свет Хаоса. Он не подчиняется дню и ночи так, как у вас, но всё же дышит циклами. Их можно научиться чувствовать. Закрой глаза.

Я закрыла.

— Сосредоточься на своём дыхании. Почувствуй, как воздух входит и выходит. Теперь представь, что каждый вдох — это один удар сердца. Сосчитай.

Я считала. Десять вдохов. Двадцать. Пятьдесят.

— Открой, — велел он.

Я открыла глаза.

— Ты насчитала пятьдесят три вдоха, — сказал он. — Это примерно час. Ты спишь по восемь часов. Ты проснулась, когда прошло ровно четыреста тридцать вдохов с момента, как я покинул твою комнату.

Я уставилась на него.

— Ты что, считал мои вдохи?

— Я бог хаоса, — терпеливо сказал он. — Хаос — это не беспорядок. Это альтернативный порядок. Я чувствую всё, что происходит в моём мире. Включая твоё дыхание.

— Это жутко, — сказала я.

— Это полезно, — ответил он. — Теперь иди умойся. Вода в бассейне за алтарём. Она холодная, но живая.

— Что значит «живая»?

— Она помнит всё, что видела. Иногда она шепчет.

Я решила, что не буду уточнять. Пошла умываться.

Бассейн оказался небольшим круглым водоёмом, выложенным чёрным камнем. Вода в нём была прозрачной, но на дне мерцали огоньки — как маленькие звёзды. Я наклонилась, зачерпнула ладонями. Вода была ледяной, но когда она коснулась лица, я почувствовала, как уходит усталость. И ещё — мне показалось, что я слышу шёпот. Не слова, а ощущения: кто-то грустил, кто-то ждал, кто-то надеялся.

— Ты слышишь? — спросил Азраил, появившись за моей спиной.

— Воду?

— Души, — поправил он. — Те, кто когда-то служили в этом храме. Они ушли, но частица их осталась в воде.

— Жутко, — повторила я.

— Это жизнь, — сказал он. — Идём.

Мы вернулись в тронный зал. Азраил указал мне на место в центре — на полу была выложена мозаика, изображающая разорванную восьмёрку.

— Сядь, — велел он.

Я села. Камень был холодным, и я пожалела, что не захватила подушку.

— Сегодня ты узнаешь, что такое хаос, — начал он, са-

дьясь напротив. — Не тот хаос, который ты видишь в руинах. А тот, который внутри. В каждом человеке есть искра первородного беспорядка. Это то, что заставляет тебя выбирать не ту дорогу, говорить не те слова, любить не того человека. Это свобода. И это проклятие.

— Звучит как описание моей жизни, — буркнула я.

— Возможно, — не стал спорить он. — Чтобы управлять хаосом, нужно сначала его почувствовать. Закрой глаза.

Я закрыла.

— Представь самую хаотичную ситуацию в твоей жизни.

Я представила. Экзамен, на который я опоздала, потому что сломала каблук, а потом оказалось, что я перепутала аудитории. Увольнение, когда меня выгнали за то, что я отказалась работать в выходные. Разрыв с парнем, который сказал, что я «слишком сложная». Всё это было хаосом. Бессмысленным, несправедливым, раздражающим.

— Вижу, — сказал Азраил. — Теперь представь, что этот хаос — не враг. А инструмент. Что ты можешь его согнуть, как ветку. И направить туда, куда хочешь.

— Как?

— Представь, что ты держишь в руках клубок ниток. Все нитки — это твои мысли, твои страхи, твои желания. Они перепутаны. Твоя задача — распутать. Но не разрывая. А находя начало.

Я сидела с закрытыми глазами и пыталась. Клубок был огромным. В нём были нитки чёрные — обиды. Красные —

гнев. Синие — грусть. Жёлтые — надежда. Они сплелись так плотно, что я не видела, где начало.

— Я не могу, — сказала я.

— Можешь, — ответил он. — Ты уже делала это. Когда требовала контракт. Когда торговалась за пелёнки. Ты не дала хаосу поглотить тебя. Ты сама стала хаосом.

Я открыла глаза.

Азраил сидел напротив, и в его золотом глазу я увидела своё отражение. Не жалкое, не испуганное. А какое-то... сияющее.

— Что мне делать? — спросила я.

— Возьми камень, — сказал он и протянул мне небольшой чёрный голыш. — И скажи ему, чтобы он стал мягким.

— Что?

— Попробуй. Представь, что камень — это твоя проблема. И ты можешь её изменить. Не силой, а... желанием.

Я взяла камень. Он был холодным, твёрдым, с острыми краями. Я сжала его в кулаке.

— Стань мягким, — сказала я неуверенно.

Ничего не произошло.

— Увереннее, — сказал Азраил. — Ты не просишь. Ты требуешь.

— Стань мягким! — повторила я громче.

Камень нагрелся. Я испугалась и разжала ладонь — камень упал на пол, но не раскололся, а... сплюснулся. Как пластилин. Он стал мягким и податливым, будто глина.

— О, — сказала я.

— О, — повторил Азраил с довольной усмешкой. — У тебя есть дар.

— Я просто разозлилась.

— Хаос любит злость, — кивнул он. — Но злость быстро проходит. Нужно, чтобы твоя воля была ровной, как пламя свечи. Не как пожар.

Он поднял сплюснутый камень. Подул на него — и камень снова стал твёрдым, но теперь он был похож на монету. Круглую, гладкую, с отпечатком моих пальцев.

— Это твой первый артефакт, — сказал он, протягивая мне монету. — Храни его. Когда будешь сомневаться, вспоминай, что ты можешь изменить даже камень.

Я взяла монету. Она была тёплой и приятно тяжёлой.

— А теперь, — сказал Азраил, вставая, — практика. Мы идём восстанавливать алтарь. Тот самый, который ты расчистила.

— Но я не умею строить!

— Ты не будешь строить. Ты будешь приказывать камням вернуться на свои места.

Я сглотнула.

— А если у меня не получится?

— Если не получится, — сказал он, — я буду менять пелёнки. Но сначала — ты.

Он развернулся и пошёл к восточному крылу. Я пошла за ним, сжимая в кулаке каменную монету и чувствуя, как

внутри разгорается что-то новое. Не злость. Не страх. А что-то похожее на азарт.

И ещё — мне очень хотелось доказать ему, что я могу.

Не потому, что он бог. А потому, что он смотрел на меня так, будто я была не просто смертной, а кем-то большим.

Мы пришли в восточное крыло. Алтарь стоял чистый, но пустой. Вокруг валялись обломки — те самые, которые я вчера с таким трудом отодвигала.

— Встань перед алтарём, — велел Азраил.

Я встала.

— Закрой глаза. Почувствуй каждый камень. Где он лежал раньше? Куда упал? Каким был?

Я закрыла глаза. И вдруг увидела. Не глазами — памятью камней. Это было странное ощущение — будто я стала частью пола, стен, потолка. Я чувствовала, как обломки лежат, как они хотят вернуться на свои места, как им одиноко и холодно.

— Вернитесь, — прошептала я.

Ничего.

— Громче, — сказал Азраил.

— Вернитесь! — крикнула я.

И камни зашевелились.

Сначала медленно, будто просыпаясь. Потом быстрее. Они поднимались в воздух, поворачивались, находили свои места и укладывались обратно. Трещины затягивались, как раны. Сколы заполнялись светом.

Я открыла глаза.

Алтарь стоял целый. Идеальный, гладкий, с сияющими символами хаоса.

Я не верила своим глазам.

— Я сделала это? — спросила я.

— Мы сделали это, — ответил Азраил. — Я показал. Ты поверила.

Он подошёл к алтарю, провёл рукой по его поверхности. Символы засветились ярче, и я почувствовала, как по комнате прошла волна тепла.

— Ты — первая, — сказал он тихо. — За тысячу лет. Первая, кто смог.

Он повернулся ко мне. Его глаза — золотой и чёрный — смотрели с чем-то, что я не решалась назвать. Но это было похоже на благодарность.

— Что дальше? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Дальше, — сказал он, — мы будем идти медленно. Храм за храмом. Камень за камнем. Я буду учить тебя. А ты будешь учить меня... пелёнкам.

Я усмехнулась.

— Договорились.

Кот, который незаметно пробрался в зал, сидел на ступенях алтаря и умывался. Фиолетовый свет падал на его лысеющую шерсть, и он казался почти красивым.

— Как там его зовут? — спросил Азраил.

— Кузя, — сказала я. — Но я зову его Зайчик.

— Почему Зайчик?

— Потому что он прыгает, как заяц, когда видит еду.

Азраил посмотрел на кота. Кот посмотрел на Азраила. И, кажется, они заключили молчаливое перемирие.

— Идём, — сказал бог хаоса. — Я покажу тебе, где мы будем обедать. У меня есть персики.

— Персики? В мире хаоса?

— Хаос любит персики, — ответил он с такой серьёзностью, что я не смогла сдержать улыбку.

Мы пошли по коридору. Я — за ним, кот — за мной. Фиолетовое небо светило нам в спины, и впервые за долгое время я чувствовала, что иду не в никуда, а куда-то, где меня ждут.

Даже если это место — полуразрушенный пантеон, а тот, кто ждёт — бог, который не знает, что такое пелёнки.

Глава 5. Правила для двоих

Столовая в пантеоне оказалась ещё более разрушенной, чем тронный зал. Но Азраил, видимо, постарался: в центре комнаты стоял длинный каменный стол, накрытый тканью, похожей на шёлк, а на нём — две тарелки, две глиняные кружки и ваза с фруктами.

Персики лежали горкой, и они были не обычными, а светящимися — изнутри шёл тёплый золотистый свет, как у ночников.

— Садись, — сказал Азраил, указывая на место напротив себя.

Я села. Тарелки были пусты, но стоило мне взять в руки кружку, как она наполнилась тем самым мятно-медовым чаем.

— А еда? — спросила я. — Где еда?

— Сначала разговор, — ответил он. — Еда появится, когда мы договоримся.

— О чём?

— О правилах, — сказал он, складывая руки на столе. — Ты составила контракт. Я подписал. Но контракт — это бумага. А правила — это жизнь. Мы будем жить здесь вместе. Долго. Я хочу, чтобы ты понимала, как это будет.

Я отставила кружку.

— Хорошо. Давай.

— Первое, — начал он, и его чёрный глаз блеснул. — Я не буду трогать тебя без твоего согласия. Это ты уже прописала. Но я хочу добавить: если ты сама захочешь меня тронуть — предупреди.

— Предупредить? — удивилась я. — Как? «Дорогой бог хаоса, сейчас я положу руку тебе на плечо, не возражаешь?»

— Примерно так, — серьёзно кивнул он.

Я фыркнула.

— Ты странный.

— Я бог, — напомнил он. — Мы все странные. Второе: я буду учить тебя магии каждый день. Не меньше двух часов. Ты не имеешь права отказываться, если только ты не больна или не ранена.

— А если я буду в декрете?

Он поморщился.

— В декрете — перерыв. Но уроки теории никто не отменял.

— Договорились.

— Третье, — его голос стал тише. — Нам придётся... зачать наследника. Это не обсуждается. Но я даю тебе время. Сколько нужно, чтобы ты привыкла ко мне. И к этому миру.

Я сглотнула. Вот оно — то, о чём я старалась не думать. Ребёнок. Полубог. Моя кровь и его хаос.

— Сколько времени? — спросила я хрипло.

— Год, — сказал он. — В твоём мире год. Здесь — около трёхсот циклов света. Я буду ждать. Но если через год ты

не будешь готова... я не стану принуждать. Я найду другой способ.

— Какой?

— Я не знаю, — признался он. — Но я обещаю, что не трону тебя без твоего желания.

Я посмотрела на него. Он сидел напротив, прямой, как стена, и в его глазах не было лжи. Только усталость и какая-то древняя тоска.

— Ты не такой, как я думала, — сказала я.

— А каким ты меня представляла?

— Злым. Жестоким. Типа «я бог, все вы рабы, умрите».

Он усмехнулся.

— Это скучно. Хаос — это не зло. Это свобода. А свобода не терпит насилия.

— Но ты же разрушал храмы? Убивал?

— Я разрушал то, что было гнилым. Я убивал тех, кто убивал других. Я — не палач. Я — равновесие.

Я задумалась. В его словах было что-то правильное. Или я просто хотела в это верить.

— Ладно, — сказала я. — Правила приняты. Можно теперь поесть?

Он щёлкнул пальцами. На тарелках появилась еда — не похожая на земную. Что-то вроде запечённых овощей, но с сиреневым оттенком, и кусок мяса, который пах травами. Я попробовала. Это было вкусно. Непривычно, но вкусно.

— Что это? — спросила я, жуя.

— Растения из сада Хаоса. И мясо птицы, которая живёт в бездне.

— В бездне? Там есть жизнь?

— Там есть всё, — сказал он. — Даже то, чего нет нигде. Мы ели молча. Кот устроился у моих ног и выпрашивал кусочки. Азраил смотрел на него с недоумением — кажется, он никогда не видел, чтобы животное так нагло требовало еду.

— Твой кот... он что, всегда такой?

— Всегда, — подтвердила я. — Он считает себя центром вселенной.

— Он ошибается, — заметил Азраил. — Центр вселенной — я.

— Спорный вопрос, — усмехнулась я.

После обеда Азраил сказал, что мне нужно отдохнуть. Он ушёл в свои покои, а я осталась с котом в бывшей кладовке, которую теперь начала называть «своей комнатой».

Циновка была всё так же неудобна. Но я не жаловалась — я думала о том, что он сказал. Год. Триста циклов. И потом — ребёнок.

Странно, но я не чувствовала страха. Только любопытство. И ещё — какое-то тепло, когда я вспоминала его глаза. Золотой и чёрный. Разные, но одинаково внимательные.

Ночью — если это можно было назвать ночью, когда фиолетовый свет не гас, а лишь становился глубже и тише, — я не спала. Кот урчал рядом, а я смотрела в потолок и думала.

В дверь постучали. Тихо, два раза.

— Войдите, — сказала я.

Азраил стоял на пороге. Без мантии, в одной тунике, и я впервые увидела его руки — не только татуировки, но и шрамы. Старые, белые, они пересекали мышцы, как трещины на мраморе.

— Не спится? — спросила я.

— Тебе тоже, — ответил он.

Он вошёл и сел на пол, прислонившись к стене напротив. Кот посмотрел на него, чихнул и перевернулся на другой бок.

— Я думал о том, что ты сказала, — начал он. — О пелёнках. О декрете. О том, что мужчина должен менять подгузники.

— И?

— И я понял, что ничего не знаю о том, как живут смертные. Особенно женщины. Мне казалось, что я всё видел. Но ты... ты показываешь мне, что есть вещи, которые я пропустил.

— Это потому, что ты бог, — сказала я. — Вы, боги, привыкли смотреть сверху вниз. А нужно иногда смотреть снизу вверх.

Он повернул голову. В тусклом свете его лицо казалось высеченным из камня — красивый, пугающий, чужой.

— А ты снизу вверх смотришь?

— Я смотрю прямо, — ответила я. — На всё. На тебя —

тоже.

Он замолчал. Я тоже.

Тишина была неловкой, но не тяжёлой. Скорее, как затишье перед бурей.

— Расскажи мне о своей жизни, — попросил он вдруг. — О том мире. О том, что ты любишь.

— Люблю? — я задумалась. — Кофе. Кота. Книги. Иногда — людей. Но люди меня разочаровывают.

— Чем?

— Тем, что врут. Уходят. Предают. А я устала прощать.

Он кивнул, будто понимал.

— Здесь никто не врёт, — сказал он. — Хаос не терпит лжи. Она рассыпается в прах.

— А любовь? — спросила я. — Хаос терпит любовь?

Он посмотрел на меня долго. Так долго, что я начала смущаться.

— Не знаю, — ответил он. — Никто никогда не любил меня. По-настоящему.

— Меня — тоже, — тихо сказала я.

И в этот момент между нами что-то изменилось. Не воздух — он остался таким же прохладным и пахнущим озоном. Не свет — он всё так же лился фиолетовым. Изменилось что-то внутри. Будто мы оба одновременно поняли: мы одиноки. И это одиночество — общее.

— Ложись спать, — сказал Азраил, вставая. — Завтра будет трудный день.

— Какой?

— Мы пойдём в бездну, — ответил он. — Там растут цветы, которые нужны для восстановления храмов. И там опасно.

Он вышел. Я осталась с котом и с мыслью, что завтра я впервые увижу бездну. И что бог хаоса, который только что сидел на полу моей кладовки и говорил о любви, возможно, не так уж страшен.

Глава 6. Слезы бездны

Бездна оказалась не тем, что я представляла.

Я думала, что это будет пропасть, чёрная яма, куда падают и не возвращаются. Но бездна Азраила была... садом.

Мы шли по тропе, выложенной серебряными плитами, а вокруг цвели цветы. Необычные — с лепестками, похожими на стёкла, и стеблями, которые светились. В воздухе пахло не сыростью, а сладостью, как от тысяч спелых фруктов.

— Это бездна? — спросила я, оглядываясь.

— Это её окраина, — ответил Азраил. — Настоящая бездна — там, где нет света. Но нам туда не нужно. Нам нужны эти цветы. Они называются «слёзы хаоса». Без них магия не будет работать.

Он наклонился и сорвал один цветок. Лепестки зазвенели, как колокольчики, и я увидела, как по ним текут капли — не росы, а чего-то густого и тёмного.

— Они плачут? — спросила я.

— Они отдают свою боль, — сказал он. — Чтобы храмы могли исцелиться. Каждый цветок — это чья-то утрата, чей-то страх, чьё-то одиночество. Мы забираем их, и боль уходит. А цветы умирают.

— Это жестоко, — сказала я.

— Это необходимо, — ответил он. — Ничто не даётся без платы.

Он сорвал ещё несколько цветов и положил в корзину, которую взял с собой. Я смотрела, как лепестки вянут, и чувствовала, как внутри поднимается что-то горькое.

— Можно я попробую? — спросила я.

— Что?

— Сорвать цветок.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Они острые. Ты порежешься.

— Я порежусь, — согласилась я. — Но я хочу понять.

Он протянул мне руку. Я взяла его за пальцы — они были тёплыми, с пульсирующими татуировками. Он подвёл меня к цветку, который рос чуть в стороне, и вложил в мою ладонь свой кинжал — маленький, изогнутый, с рукоятью из чёрного камня.

— Режь у самого корня, — сказал он. — И не бойся.

Я наклонилась. Цветок был прекрасен — серебряный, с синими прожилками. Я коснулась лепестка, и он больно царапнул палец. Выступила кровь.

— Быстрее, — велел Азраил.

Я перерезала стебель. Цветок упал в мою ладонь, и я почувствовала... чужую боль. Чью-то тоску. Чьё-то отчаяние. На мгновение мне показалось, что я стала этим цветком — росла в темноте, боялась света, ждала смерти.

— Отпусти, — сказал Азраил, забирая цветок. — Не держи в себе.

Я выдохнула. Боль ушла, но осадок остался.

— Теперь ты понимаешь, — сказал он. — Цена всегда есть. Мы платим чужой болью, чтобы восстановить своё.

— А своей? — спросила я. — Ты платил своей?

Он не ответил. Только отвернулся и пошёл дальше по тропе.

Мы собирали цветы молча. Я научилась срезать их быстро, не дотрагиваясь до лепестков, и боль была меньше. К концу нашей прогулки корзина наполнилась, а мои пальцы были в мелких порезах.

— Идём обратно, — сказал Азраил.

— Подожди, — остановила я его. — Я хочу посмотреть на бездну. Настоящую.

— Зачем?

— Чтобы знать. Чтобы не бояться.

Он помолчал. Потом кивнул и повёл меня дальше, за цветущую поляну, туда, где тропа обрывалась.

И я увидела.

Это была не пропасть. Это была пустота. Абсолютная, всепоглощающая, живая пустота. Она дышала, она шевелилась, она звала. В ней не было ни звука, ни света, ни времени. Просто — ничто.

Я стояла на краю и смотрела вниз. И чувствовала, как пустота смотрит в ответ.

— Не подходи близко, — сказал Азраил, кладя руку мне на плечо. — Она забирает.

— Она похожа на тебя, — сказала я. — На твой чёрный

глаз.

— Потому что я — часть её, — ответил он. — А она — часть меня.

Мы стояли так долго. Я смотрела в бездну, он смотрел на меня. И когда я повернулась, чтобы уйти, наши лица оказались слишком близко.

— Полина, — сказал он тихо.

— Что?

— Я не хочу, чтобы ты боялась.

— Я не боюсь, — ответила я, и это была правда.

Он медленно поднял руку и коснулся моей щеки. Пальцы были шершавыми, с мозолями — от меча? От камней? — но касание было нежным. Таким нежным, что у меня перехватило дыхание.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Холодно, — соврала я.

— Не ври, — попросил он. — Хаос не терпит лжи.

Я посмотрела в его глаза. Золотой — как солнце, которого здесь нет. Чёрный — как бездна, которая была рядом.

— Я дрожу, потому что ты рядом, — сказала я честно. — И я не знаю, что с этим делать.

Он убрал руку.

— Идём, — сказал он, и голос его был хриплым. — Нужно обработать цветы, пока они не завяли.

Мы вернулись в пантеон. Азраил показал мне, как высушивать «слёзы хаоса» и превращать их в порошок, который

потом добавляли в раствор для восстановления стен. Это была кропотливая работа, требующая сосредоточенности и терпения.

Я сидела на полу в тронном зале, растирала лепестки в ступке и думала о том, что случилось на краю бездны. О его пальцах на моей щеке. О его словах: «Я не хочу, чтобы ты боялась».

Кот спал на ступенях. Азраил возился с алтарём, настраивая его для завтрашнего ритуала. Время шло, фиолетовый свет тускнел — наступала ночь.

— Полина, — позвал он.

— Мм?

— Ты устала?

— Немного, — призналась я.

— Иди отдыхай. Завтра рано вставать.

Я кивнула, но не двинулась с места. Что-то держало меня здесь, рядом с ним.

— Азраил?

— Да?

— Ты сказал, что никто не любил тебя по-настоящему. А ты сам? Ты любил?

Он замер. Его татуировки перестали пульсировать.

— Я не знаю, — ответил он. — Я думал, что любил. Один раз. Давно. Но это оказалось... игрой.

— Игрой?

— Она хотела мою силу, — сказал он. — Не меня. Когда

поняла, что я не отдам, она ушла в бездну. И стала её частью.

— Мне жаль, — сказала я.

— Не жалею, — ответил он. — Она выбрала сама.

Он подошёл ко мне. Сел рядом, на пол. Его плечо касалось моего, и я чувствовала тепло, которое шло от его тела — как от печи.

— А ты? — спросил он. — Ты любила?

— Один раз, — сказала я. — В школе. Он был красивый, как бог. И такой же дурак.

— Что случилось?

— Он сказал, что я слишком сложная. И ушёл к простой девочке. Которая умела молчать.

— Ты не умеешь молчать, — заметил Азраил.

— Нет, — согласилась я. — Я умею говорить. И требовать. И торговаться.

— Мне это в тебе нравится, — сказал он.

Я повернула голову. Он смотрел на меня. Его лицо было в полуметре — я видела каждую трещинку на губах, каждую морщинку у глаз. Он был старым. Не по годам — по духу. И в то же время — молодым, как утро.

— Азраил, — прошептала я.

— Полина, — ответил он.

И тогда я сделала то, что не планировала. Я потянулась к нему и поцеловала.

Это был лёгкий поцелуй — просто касание губ. Но он отозвался во всём моём теле, как вспышка света. Его губы были

сухими и тёплыми, и пахли они тем же озоном и горелым миндалём.

Он не ответил. Не отстранился. Просто замер, как статуя. Я отпрянула, испуганная своей смелостью.

— Прости, — сказала я. — Ты же просил предупреждать.

Он молчал. Его глаза — оба — смотрели на меня с выражением, которое я не могла прочесть. Шок? Гнев? Или что-то другое?

— Не извиняйся, — сказал он наконец. — Я не просил предупреждать о поцелуях. Только о прикосновениях.

— А это не прикосновение?

— Это... другое, — сказал он. — Это то, чего я не знаю.

Он взял меня за руку. Его пальцы переплелись с моими, и я почувствовала, как его татуировки запульсировали сильнее — в такт моему сердцу.

— Можно я поцелую тебя в ответ? — спросил он.

— Можно, — прошептала я.

Он наклонился. Медленно, очень медленно. Я чувствовала его дыхание на своих губах — горячее, с запахом грозы. И когда он поцеловал меня, мир перестал существовать.

Это был не лёгкий поцелуй. Это было нечто иное — глубокое, долгое, почти ошеломляющее. Он целовал так, будто за этим прикосновением стояло всё, что мы до сих пор не сказали. Его рука легла мне на талию, другая — на затылок, притягивая ближе.

Я забыла, как дышать. Забыла, где я. Забыла, кто я. Оста-

лись только его губы и этот горьковато-сладкий привкус грозы.

Когда он отстранился, я была в полубомороке.

— Ох, — сказала я.

— Ох, — повторил он, и в его голосе была усмешка.

— Ты так целуешь всех, кто призывает тебя? — спросила я, пытаюсь вернуть самообладание.

— Только тех, кто торгуется за пелёнки, — ответил он.

Я рассмеялась. Он улыбнулся. И в этот момент я поняла, что пропала. Не потому, что он бог. А потому, что он умел смеяться. И умел быть нежным. И смотрел на меня так, будто я была не просто смертной, а целым миром.

— Нам нужно спать, — сказал он, вставая.

— Да, — согласилась я, но не двинулась с места.

Он протянул мне руку. Я взяла её, и он помог мне подняться. Мы стояли близко-близко, и я чувствовала, как бьётся его сердце — ровно, сильно, как барабан.

— Спокойной ночи, Полина, — сказал он.

— Спокойной ночи, Азраил.

Он отпустил мою руку и ушёл в свои покои. А я пошла в свою кладовку, где спал кот, и легла на циновку, прижимая к губам пальцы — там, где ещё оставалось тепло его поцелуя.

Почти всю ночь я не спала. Думала о нём. О его глазах, о его руках, о его голосе. О том, как он сказал: «Ты — первая». И о том, что, кажется, начинаю влюбляться в бога хаоса.

Это было безумие. Но, кажется, именно безумия мне и не

хватало в прежней жизни.

Глава 7. Ночь, после которой всё изменилось

Следующие несколько дней мы жили в странном и опасном равновесии.

Днём я училась. Тянула магию, как человек тянет мышцу после гипса: больно, неуклюже, с руганью. Восстанавливала стены, собирала «слёзы хаоса», спорила с Азраилом о быте, графике, технике безопасности и том, почему любой уважающий себя пантеон обязан иметь не только алтарь, но и нормальную прачечную.

Ночью всё становилось хуже.

Точнее, честнее.

Мы сидели рядом у огня, делили чай, молчание и слишком долгие взгляды. Иногда он поправлял мне прядь волос так осторожно, будто касался не женщины, а хрупкого магического договора. Иногда я ловила себя на том, что слушаю не слова, а его дыхание. Иногда Кузя демонстративно укладывался между нами, как профсоюзный представитель морали.

Напряжение росло медленно, мучительно и уже почти неприлично.

На шестой или седьмой день — здесь я давно потеряла счёт — мы заканчивали третий храм. Центральный. Самый

упрямый.

Я стояла на лесах и тянулась к трещине под куполом, когда у меня свело пальцы. Камень дрогнул, под ногами качнуло, и я вполне позорно ахнула.

— Полина, — резко сказал Азраил снизу.

В следующую секунду я уже летела не вниз, а ему в руки.

Он поймал меня так быстро, будто движение началось ещё до того, как я сорвалась. Я врезалась в его грудь, в эти проклятые шрамы, в запах грозы и тёмного тепла, и несколько секунд мы оба просто стояли, слишком крепко держась друг за друга.

— Я же сказал: не тянись одна, — тихо произнёс он.

— Я почти достала, — упрямо ответила я, хотя голос предательски дрожал.

— Я знаю.

Он не отпускал.

И я тоже не спешила вырываться.

— Азраил, — сказала я, поднимая голову.

Он смотрел так, как смотрят на вещи, от которых уже поздно спастись.

— Я не могу больше притворяться, что мне достаточно просто смотреть, — сказал он. — Я обещал тебе время. И я не забираю обещание. Но каждый день рядом с тобой становится всё труднее быть только твоим богом, только учителем, только тем, кто стоит в стороне.

Внутри у меня всё сжалось — не от страха. От узнавания.

— А кем ты хочешь быть? — спросила я.

Он провёл большим пальцем по моему запястью. По внутренней стороне. Там, где пульс.

— Тем, к кому ты придёшь сама.

Мир вокруг нас сузился до этого голоса, до его пальцев, до того безумного факта, что первородный хаос спрашивает меня, а не берёт.

Я выдохнула.

— Тогда не стой как памятник собственной выдержке, — сказала я. — Потому что я, кажется, уже пришла.

Что-то тёмное и жаркое мелькнуло в его глазах.

Он поцеловал меня первым — не резко, не голодно, а так, будто очень долго держал себя и наконец позволил себе только первый шаг. От этой осторожности меня прострелило сильнее, чем от любой страсти. Я сама вцепилась пальцами в его плечи и притянула ближе.

На этот раз он понял меня правильно.

Поцелуй стал глубже. Настоящим. Не пробным. В нём было всё, что мы молчали последние дни: тревога, голод, нежность, усталость, облегчение. Его ладонь легла мне на спину, скользнула выше, замирая на затылке. Моя — на его шее. Я чувствовала под пальцами напряжённую силу, будто он сдерживал не меня, а самого себя.

— Комната, — прошептала я, когда он прижался губами к моей щеке, к виску, к шее.

Он тихо выдохнул — почти со смехом, почти с мучением.

— Да. Комната. Иначе я сейчас разрушу ещё один храм, а ты потом скажешь, что у меня опять проблемы с планированием.

— У тебя системные проблемы с планированием, — успела сказать я, прежде чем пространство дрогнуло.

Он перенёс нас в свои покои.

Там пахло тёплым камнем, ладаном и тем же озоном, но мягче. Свет был приглушённый, золотистый. На широкой кровати лежало тёмное покрывало, гладкое, как вода в безветренную ночь. Я вдруг замерла — не от сожаления, а от масштаба момента. Слишком долго моё тело ассоциировалось либо с бытовой усталостью, либо с компромиссом. А тут на меня смотрели так, будто со мной собирались обращаться бережно и всерьёз.

Азраил это заметил сразу.

Он опустил меня на край кровати и присел напротив, не касаясь.

— Полина, — сказал он. — Мы можем остановиться в любую секунду. Даже если ты передумаешь через минуту. Даже если через одну пуговицу. Даже если уже потом тебе что-то не понравится. Я не хочу твоего согласия «потому что так надо». Я хочу, чтобы это было твоё «да».

Я смотрела на него и понимала, что именно от этих слов у меня сильнее всего подкашиваются ноги.

— Тогда запоминай, — сказала я. — Моё «да» уже здесь.

Он улыбнулся — коротко, словно сам себе не веря. И

только после этого подошёл снова.

На мне была моя земная рубашка — та самая, в которой я сюда провалилась. Его пальцы задержались на пуговицах так бережно, будто он спрашивал разрешения не словами, а осторожностью. Мне вдруг показалось, что он не снимает с меня одежду, а расстояние между нами.

Когда ткань соскользнула с плеч, он коснулся губами ключицы, и от этого простого, тихого жеста у меня всё внутри стало мягким. Не горячим даже — именно мягким, доверчивым, живым.

— Ты дрожишь, — шепнул он.

— Потому что ты на меня так смотришь.

— А как я смотрю?

— Будто я редкость. И тебе страшно моргнуть.

Он прикрыл глаза и лбом почти незаметно коснулся моего плеча.

— Мне действительно страшно, — сказал он. — Я слишком давно ничего не боялся потерять.

Я запустила пальцы в его волосы.

— Тогда давай без пафоса, ладно? Просто будь со мной.

Он кивнул.

Дальше всё стало медленным — почти звеняще тихим.

Дальше всё стало медленным и очень ясным. Я касалась его в ответ — плеч, шрамов, предплечий, татуировок, которые под моими пальцами отзывались мягким теплом. Всё вокруг сужалось до дыхания, до света, до этого невозможно-

го чувства доверия.

Когда я впервые провела ладонью по старому шраму на его груди, он вздрогнул.

— Больно? — сразу спросила я.

— Нет, — хрипло ответил он. — Непривычно.

— Тебя раньше никто не трогал?

— Так — нет.

Что-то в этой правде разом выбило из меня остатки нервного смеха.

Я поцеловала его сама — в уголок губ, в подбородок, в шею. Он шумно выдохнул и наконец перестал держать дистанцию. Подхватил меня под спину, уложил на покрывало и накрыл собой — не тяжестью, а теплом, силой, той самой опасностью, которая почему-то вдруг стала ощущаться безопасной.

Поцелуи становились тише и длиннее, мысли распадалась, а на их месте оставалось одно простое и почти ошеломляющее чувство: меня хотят не как плату, не как условие ритуала, не как удобство. Меня хотят как меня.

Когда воздух между нами стал совсем тонким, Азраил снова остановился.

Лоб к лбу. Дыхание одно на двоих.

— Последний раз спрашиваю, — сказал он.

Я улыбнулась — дрожа, краснея, совершенно беззащитно.

— И последний раз отвечаю: да.

Он поцеловал меня так, будто это слово было для него

святыней.

Я не стану врать: это было не как в кино и не идеально. Я нервничала. Смеялась не в тех местах. Он тоже не был безупречным — слишком сильный, слишком осторожный, слишком явно боящийся сделать больно. Но именно в этой живой, чуть неловкой реальности всё и оказалось правильным.

Он спрашивал каждым взглядом и каждым прикосновением.

Я отвечала — словами, улыбкой, тем, как сама тянулась к нему.

А потом весь остальной мир просто исчез.

Я запомнила его ладонь на моей талии. То, как он прятал лицо у моего плеча. То, как моё имя в его голосе вдруг стало звучать не как заклинание, а как обещание.

И когда я всё-таки расплакалась — от переизбытка, от нежности, от того, что во мне оказалось слишком много чувств сразу, — он не растерялся.

Просто собрал меня обратно.

Поцелуями в мокрые ресницы. Ладонью на щеке. Тихим шёпотом, в котором не было ни грамма самодовольства — только благодарность, будто он и сам не верил в происходящее.

— Всё хорошо? — спросил он.

— Да, — прошептала я. — Просто у меня, кажется, очень давно не было ничего по-настоящему хорошего.

Он закрыл глаза, будто эти слова ударили по нему сильнее любой магии.

Потом мы лежали рядом, всё ещё не до конца веря в случившееся, как люди, которые слишком долго шли друг к другу криво и наконец перестали делать вид, что им это не нужно. За шторами свет Хаоса стал мягче. В ногах кровати, разумеется, обнаружился Кузя, который уже успел занять стратегически важное место и смотрел на нас с осуждением владельца квартиры.

— Он всегда приходит в самые неуместные моменты? — хрипло спросил Азраил.

— Нет, — сказала я. — Иногда ещё раньше.

Он тихо рассмеялся. Потом повернулся ко мне, провёл пальцами по моей щеке и спросил:

— Жалеешь?

Я подумала секунду и отрицательно качнула головой.

— Нет. Но контракт всё ещё в силе.

— Какой именно пункт тебя волнует сейчас сильнее всего? — очень серьёзно спросил он.

— Про личные границы, право на сон и обязательное участие отца в пелёнках.

Он уткнулся лбом мне в плечо и засмеялся уже по-настоящему.

— Полина, — сказал он, — ты единственная женщина во всех мирах, которая способна лежать со мной после такой ночи и обсуждать распределение будущих подгузников.

— Конечно. Я же стратег.

— Ты катастрофа.

— А ты хаос. Нам просто повезло совпасть по профилю.

Он поцеловал меня в висок.

И это, почему-то, оказалось не менее интимно, чем всё до этого.

Глава 8. Утро, похожее на обещание

Я проснулась от того, что кто-то дышал мне в затылок. Тёплое, ровное дыхание, от которого волосы на шее вставали дыбом. Я не открывала глаза — хотела продлить мгновение, когда реальность ещё не вторглась в сон, а тело помнило только нежность.

Но реальность вторглась.

— Ты не спишь, — сказал Азраил. Его голос был низким, чуть хриплым после сна, и от этого звука у меня внутри всё сжалось.

— Теперь нет, — ответила я, не поворачиваясь.

Он провёл пальцем по моему плечу — лёгкое касание, от которого по коже побежали мурашки. Я вспомнила вчерашнюю ночь. Вспомнила всё: его руки, его губы, его шёпот. И мне стало одновременно стыдно и радостно. Стыдно — потому что я никогда не была такой смелой. Радостно — потому что это было правильно.

— Повернись, — попросил он.

Я повернулась.

Азраил лежал рядом, подперев голову рукой. Его волосы рассыпались по подушке — чёрные, с серебряными нитями, которых я раньше не замечала. В тусклом утреннем свете

(фиолетовый стал чуть светлее, но всё ещё оставался фиолетовым) его лицо казалось высеченным из дымчатого кварца — твёрдым, холодным, но глаза выдавали тепло.

— Ты красивая, когда спишь, — сказал он.

— Я красивая, когда ем, — ответила я, зевая. — И когда пью чай. И когда ругаюсь. Вообще, я всегда красивая.

Он усмехнулся. Провёл тыльной стороной ладони по моей щеке, и я невольно прикрыла глаза — такое приятное было прикосновение.

— Ты права, — сказал он. — Всегда.

Я открыла глаза и посмотрела на него в упор. Его татуировки пульсировали слабо, почти незаметно — как будто он сам был спокоен, и хаос внутри него дремал.

— Азраил, — сказала я. — Вчера... между нами была просто близость? Или что-то большее?

Он замер. Его палец остановился на моей скуле.

— Для меня — большее, — сказал он медленно, будто каждое слово давалось с трудом. — Но я не знаю, как это называть. У нас нет слов для того, что я чувствую. Боги не влюбляются. Они... привязываются. Или одержимы. Я не знаю, что со мной.

— Звучит романтично, — буркнула я.

— Я не умею быть романтичным, — признался он. — Я умею разрушать. Создавать. Защищать. Но не говорить красивые слова.

— Тогда не говори, — сказала я. — Делай.

Я взяла его за руку и положила его ладонь себе на сердце.

— Чувствуешь?

— Бьётся, — сказал он.

— Это не просто сердце. Это — я. Я здесь, с тобой, потому что хочу. А не потому, что меня призвали или заставили. Запомни это.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах — золотом и чёрном — отражалось моё лицо, растрёпанное, со следами сна, но, наверное, счастливое.

— Запомнил, — сказал он.

Мы лежали так, наверное, с час. Или больше. Время в пантеоне текло иначе, и я перестала замечать его течение. Мы говорили о ерунде: о том, что кот ночью пытался зарыться в его крылья, о том, что в бездне зацвели новые цветы, о том, что мне нужно постирать джинсы, потому что они уже пахнут камнем и магией.

— У тебя есть ванна? — спросила я.

— Ванна?

— Место, где можно мыться. С горячей водой. И мылом.

Он задумался.

— Тот бассейн, где ты умывалась... он большой. Можно мыться там.

— Бассейн с живой водой, которая шепчет? — уточнила я. — Нет, спасибо. Я не хочу, чтобы вода комментировала, как я мою ноги.

Азраил рассмеялся — тем самым раскатистым смехом, от

которого дрожали стены.

— Я сделаю тебе ванну, — пообещал он. — Сегодня.

— И унитаза, — добавила я. — С нормальным сливом. А не какую-нибудь дыру в полу.

— Ты требовательная, — заметил он.

— Ты бог, — парировала я. — Сделай чудо.

Он щёлкнул пальцами. В углу комнаты возникла дверь, которой раньше не было.

— За ней — ванная, — сказал он. — Вода горячая. Мыло — из цветов бездны. Полотенца — из облаков, которые я поймал на переломе светового цикла.

Я прищурилась.

— Из облаков?

— Образно, — усмехнулся он.

Я встала с кровати, закуталась в простыню и пошла к двери. На пороге обернулась.

— А завтрак будет?

— Когда выйдешь.

— Хорошо. И не подглядывай.

Он сделал вид, что обиделся, но я заметила, как дёрнулся уголок его губ.

Ванная оказалась маленькой, но уютной. Вместо кафеля — гладкий чёрный камень, на стенах — светильники в виде цветов, а в центре — купель, выложенная серебряной мозаикой. Вода в ней была горячей и пахла травами — теми самыми, что росли в бездне, но без их печали.

Я сняла простыню и погрузилась в воду. Тепло разлилось по телу, расслабляя мышцы, которые болели после вчерашней ночи — не только от работы в храме, но и от переизбытка чувств. Я прикрыла глаза и позволила себе думать.

О нём. О том, как он смотрел на меня, когда мы были рядом. Как его пальцы дрожали — у бога хаоса дрожали пальцы! — когда он касался меня. Как он шептал моё имя, будто это было заклинание.

— Полина, — вдруг раздался его голос. Не в голове — за дверью.

— Что?

— Ты долго. Я волнуюсь.

— Я моюсь, — крикнула я. — Это процесс. Не мешай.

— А если ты утонешь?

— В ванне? Серьёзно?

— Вода живая, — напомнил он. — Она может увлечь.

Я вздохнула, вылезла из купели, вытерлась пушистым полотенцем (которое действительно пахло облаками — свежестью и лёгкостью), и надела то, что оставил для меня Азраил на каменной скамье. Длинная туника из мягкой ткани, цветом под мой пепельно-русый хвост. И сандалии на плоской подошве.

Я вышла.

Он стоял у двери, скрестив руки на груди. Увидел меня, и его лицо смягчилось.

— Тебе идёт, — сказал он.

— Что идёт? Туника?

— Всё. Ты. Идёт быть здесь.

Я не нашлась, что ответить. Просто взяла его за руку и повела в столовую.

Завтрак был готов. На столе — те же сиреневые овощи, мясо птицы из бездны, и свежий хлеб, которого я раньше не видела. Он был тёплым, с хрустящей корочкой, и пах так, что у меня потекли слюни.

— Ты испёк хлеб? — спросила я, отламывая кусок.

— Хаос испёк, — ответил он. — Я только приказал.

Мы ели молча. Кот терся о мои ноги, и я кидала ему кусочки мяса. Азраил смотрел на кота с тем же недоумением, что и в первый раз, но уже без враждебности.

— Он будет жить с нами? — спросил он.

— Он уже живёт, — ответила я. — И ты не против.

— Я не против, — сказал он. — Но если он начнёт царапать мои крылья, я отправлю его в бездну.

— Не отпратишь, — уверенно сказала я.

— Почему?

— Потому что ты боишься моих требований. А я потребую вернуть кота.

Он покачал головой, но улыбнулся.

После завтрака мы пошли в четвёртый храм — самый маленький и самый разрушенный. Азраил сказал, что с него нужно начать, потому что он проще. Я стояла посреди руин, сжимая в руке каменную монету — свой первый артефакт,

— и пыталась почувствовать камни.

— Не торопись, — сказал он, стоя за моей спиной. — Хаос не любит спешки. Он любит, когда его чувствуют.

Я закрыла глаза. Дышала. Слушала. Камни молчали. Не так, как в прошлый раз — не жаловались и не хотели вернуться на места. Они просто лежали, усталые, равнодушные.

— Они не хотят, — сказала я.

— Потому что они не знают, что ты можешь, — ответил Азраил. — Докажи.

Я открыла глаза, подошла к самому большому обломку и положила на него руку.

— Ты был частью стены, — сказала я тихо. — Ты помнишь? Ты держал свод. Ты был сильным. Вернись.

Ничего.

— Вернись! — крикнула я.

Камень дрогнул. Приподнялся. И медленно, как старик, поплыл к своему месту.

Я выдохнула. Один есть.

Остальные пошли быстрее. Я приказывала, они слушались. Иногда — с неохотой, иногда — с радостью. К концу дня четвёртый храм стоял, целый и почти невредимый. Не хватало только крыши, но Азраил сказал, что крышу он делает сам — это слишком сложно для моего уровня.

Я села на ступени алтаря, вымотанная, но довольная. Кот пришёл неизвестно откуда и прыгнул мне на колени.

— Ты сегодня хорошо работала, — сказал Азраил, садясь

рядом.

— Я устала, — призналась я.

— Отдыхай. Завтра выходной.

— У богов есть выходные?

— У нас теперь есть, — сказал он. — Потому что ты принесла в мою жизнь концепцию выходных. И я решил, что это разумно.

Я улыбнулась. Прислонилась головой к его плечу. Кот мурлыкал. Фиолетовое небо темнело, наступала ночь.

— Азраил?

— Да?

— А что мы будем делать в выходной?

— Не знаю, — сказал он. — Что ты хочешь?

— Хочу лежать, — сказала я. — Есть персики. И чтобы ты рассказывал мне о мире. О звёздах, которых здесь нет. О том, как ты создавал бездну.

— Это долгая история, — предупредил он.

— У нас есть время, — ответила я. — У нас есть вечность.

Он поцеловал меня в макушку. И мы пошли домой — в пантеон, в нашу комнату, где нас ждала кровать и покой.

Глава 9. Выходной у края неба

Я проснулась от того, что кто-то щекотал мне нос. Открыла глаза — Азраил сидел на кровати и держал в руке перо. Не обычное, а светящееся, переливающееся всеми цветами, которых нет в природе.

— Что это? — спросила я сонно.

— Перо птицы Феникс, — сказал он. — Оно щекочет. Я хотел разбудить тебя нежно.

— Ты мог просто поцеловать, — буркнула я, забирая у него перо.

— А если бы я поцеловал, ты бы не проснулась, — возразил он. — Ты спишь как убитая.

— Это потому, что я работаю как проклятая, — сказала я, садясь. — Ты обещал выходной.

— Он наступил, — кивнул Азраил. — Сегодня мы ничего не делаем. Только то, что ты хочешь.

Я потянулась, хрустнула шеей и посмотрела на него. Он был одет — в чёрные штаны и свободную рубашку, распахнутую на груди. Волосы зачёсаны назад, и от этого его лицо казалось ещё более резким, почти хищным.

— Первое, — сказала я. — Я хочу кофе.

— Кофе? — переспросил он. — Это тот горький напиток из твоего мира?

— Да. Чёрный, сладкий, с пенкой. Можешь сделать?

Он щёлкнул пальцами. В воздухе появилась кружка — глиняная, но с ручкой, как я любила. Пар поднимался над ней, и пахло кофе — настоящим, земным, родным.

Я сделала глоток. Глаза защипало от счастья.

— Как ты это сделал?

— Я заглянул в твою память, — сказал он. — Увидел, как ты пьёшь кофе в той маленькой кофейне. И повторил вкус.

— Ты лазил в моей голове?

— Только чуть-чуть, — сказал он, и в его голосе послышалась вина. — Извини. Я не должен был без спроса.

Я вздохнула. Сделала ещё глоток.

— Ладно. Но в следующий раз — спрашивай.

— Договорились.

Вторым пунктом в моём списке желаний был завтрак. Азраил сотворил его мгновенно — яблочные оладьи, мёд, масло. Мы ели в постели, кроша на простыни, и я чувствовала себя преступницей, потому что в моём мире есть еду в кровати считалось моветоном. Но здесь не было моветона. Здесь был только хаос. И мы.

— Что ты хочешь делать сегодня? — спросил он, когда мы закончили.

— Я хочу узнать тебя, — сказала я. — Не бога хаоса. А тебя. Азраила. Кто ты? Откуда? Как ты стал богом?

Он помолчал. Встал, подошёл к окну (здесь, в спальне, окно выходило не на руины, а на бескрайнее поле, поросшее серебряной травой). Я подошла следом.

— Я не становился богом, — сказал он. — Я родился им. Хаос — это не титул. Это сущность. Я существовал до того, как появилось время. До того, как появились миры. Я был первым.

— И ты всегда был один?

— Да, — сказал он. — Боги не создают семьи. Они создают миры. Или разрушают их. Но они не... не любят. Не так, как люди.

— А сейчас? — спросила я, касаясь его руки.

Он посмотрел на меня. В его глазах была такая тоска, что мне захотелось обнять его и не отпускать.

— Сейчас я не знаю, кто я, — сказал он. — Потому что ты изменила меня. Ты требуешь пелёнки, декрет, кофе. Ты спишь на моей кровати и гладишь кота. Ты делаешь меня... человеком.

— Это плохо?

— Не знаю, — сказал он. — Но это страшно.

Мы стояли у окна, глядя на серебряное поле. Ветер колыбал траву, и она звенела, как тысячи колокольчиков.

— Расскажи мне о своих родителях, — попросил он. — О тех, кто сделал тебя человеком.

Я вздохнула. Это было больно — говорить о маме, о папе, об отчине. Но он открылся мне, и я должна была открыться ему.

— Мой папа был лётчиком, — начала я. — Он погиб, когда мне было двенадцать. Самолёт упал. Мама долго горевала.

ла, а потом вышла замуж за другого. Он не плохой, но чужой.
Я никогда не была ему нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.